

Йордан Люцканов

Институт литературы Болгарской АН, София, Республика Болгария,
yljuckanov@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-6363-1585>

Образование СССР: взгляд на проблему межэтнического регулирования в XX веке спустя 100 лет

1. С созданием СССР урегулировались и получили территориальное выражение межэтнические отношения на занимаемых им территориях; иногда заведомо несправедливо, как, например, асимметрия статусов Нахичевани и Нагорного Карабаха, но все-таки урегулировались. Это было и пусковым механизмом для образования ряда наций, вряд ли имевших протонациональные предыстории в древности и в Средние века (и решительно не попадающие в ту особую категорию случаев, в которую попадают еврейский, армянский и грузинский этносы по этносимволистской теории Энтони Смита¹, компромиссной между «перенниалистскими»² и «модернистскими»³, а также «примордиалистскими»⁴ и «конструктивистскими»⁵ взглядами на возраст и базисный способ образования наций⁶), и своего рода «обнажением приема» формирования нации, пародией, травестией либо «маньеризацией» (как «маньеризм») процесса формирования, известного по демифологизирующим описаниям теоретиков национализма, модернистов (таких, как Бенедикт Андерсон⁷ и Мирослав Хрох⁸). Напомню значение литературоведческих/искусствоведческих понятий, к которым прибегаю в порядке аналогии: попадание «высоких» героев в «низкие» обстоятельства; «низких» героев в «высокие» обстоятельства (мыши и лягушки в роли ахейцев и троянцев); сознательное и близкое к самоцельности применение сложных приемов к обстоятельствам, к их применению не призывающих, либо создание обстоятельств, требующих выработки таковых приемов. Историки национальной политики в довоенном СССР пришли к таким понятиям, как «империя положительного/покровительственного действия» (affirmative action empire, Терри Мартин⁹ [Martin 2001]) и «спонсируемый государством эволюционизм» (state-sponsored evolutionism, Франсин Хирш [Hirsch 2005]). Мартин

¹ Основатель этносимволистского подхода (наименее диффузная парадигма в изучении наций и национализмов). Этносимволизм разводит во времени (большом времени!) существование протонаций в смысле привязанности к этносу, и в т. ч. к политическим символам его бытия, и последующую актуализацию/инструментализацию существования национализмов путем (пере)осмысления мифов, символов, преданий, ценностей, традиций.

² Нации – феномены «большого времени».

³ Нации – продукты XVII–XX вв.

⁴ Этническая аффилиация основана на эмоциях и аффектах, формировавшихся в доисторическое время, следовательно, она является константой, притом неизбежной, человеческой природы.

⁵ За этой оппозицией маячит оппозиция реализма и номинализма, знакомых по истории средневековой философии. |

⁶ Для типологии подходов к изучению наций, национальных движений и национализмов и их критического анализа я бы отослал к работе Умута Ёзкirimли [Özkirimli 2017]. Для удобства, предшествующие примечания основаны на этой работе. На ней основаны и мои фрагментарные презентации теорий Андерсона и Хроха (см.: [Özkirimli 2017, p. 115–122, 125–129]).

⁷ С его упором на инспирирование заочной солидарности реципиентов романов и газет на вернакулярных языках.

⁸ С его упором на длительную процессуальность и плавную стадийность (при отсутствии неизбежности) образования наций: от фазиса научного активизма, через активизм политический к массовой мобилизации, при варьирующем и меняющемся во времени характере взаимодействия с «вмещающим» государством и доминирующим в нем этносом (если таковой есть). Кстати, Хрох считает себя исследователем не «национализма», но «национальных движений».

⁹ Мартин пользуется понятием североамериканского (США) права. На сайте Корнеллского университета affirmative action определяется как набор процедур, нацеленных на устранение, залечивание эффектов имевшей место в прошлом и упреждение будущей дискриминации.

указывает на механизмы ускоренного и в ряде случаев упреждающего (проактивного) создания идеологически и эмпирически *ручных* наций как средства превенции распада завоеванного большевиками пространства Российской империи по этническому признаку. Демаркируются национальные территории (разного иерархического уровня), утверждаются, а в десятках случаев *создаются* местные письменные языки в функции административных, а также средств культурной коммуникации, пестуются инородческие элиты и продвигаются на руководящие посты по местам, государством финансируется вернакулярная культурная продукция и институты, в массовых тиражах и для широчайших кругов населения ([Martin 2001, p. 1–2]; ср. [Özkirimli 2017, p. 118–120]). Мартин указывает и на главные идеологические послышки, или оправдания, этой крупнейшей политической мимикрии 1923–1938 (а в узком смысле 1923–1932) гг.: марксистскую, модернизационную и колониальную. Национализм – это маскировочная идеология буржуазии, и путем признания права на национальное самоопределение надо отнять у буржуазии этот инструмент; национализм всех этнических общностей – неизбежная временная стадия по пути к интернационализму; национализм доминируемых и малых общностей – это оборонительный национализм, и его следует поддерживать (см.: [Martin 2001, p. 4–7]). Сверхнациональное государство брало на себя организационные и экономические издержки формирования наций (которые в обычных случаях брали на себя сами стремящиеся к национальному обособлению группы), в обмен на что выпестованные элиты играли роль национальных героев и агентов настоящего, но ими не были (травестия). Поведение же тех представителей большевистской элиты, для которых была понятна «инструментальность» нациестроительства, мотивирует использование мною метафоры пародии. А создание социалистических наций в любых культурно-исторических и этно-социальных обстоятельствах, тем более при «стяжении» длительных процессов в почти разовые события, призывает метафору маньеризма. Но и лежащие ближе к поверхности аспекты ситуации, а именно перевернутая дискриминация («Иерархическое различие между титульным и колониальными народами таким образом воспроизводится, но в перевернутом виде, как различие между прежде угнетенными национальностями и бывшей великодержавной нацией» [Martin 2001, p. 20]), заставляет видеть субъектность большевиков-ненационалистов как пародийную, а местных национальных элит – как травестийную.

В обычном случае этническая группа, пошедшая по пути превращения в нацию, вырабатывает литературный язык, копит капитал для запуска печатных изданий и поддержки культурных учреждений и возвращает элиту собственными усилиями и средствами (часто – в обход и вразрез с политикой и целями правящих групп – необязательно другого этноса – во вмещающем государстве). Таким был случай с грузинами, армянами, евреями, украинцами, литовцами и некоторыми другими этническими группами в рамках Российской империи. Советское «покровительствующее действие», оно же изнаночная дискриминация, приводит всех – и только что сформировавшиеся, и еще не подозревавшие о своем национальном качестве группы – к некоему нулевому положению. Это уравнивание, которое дало преимущество одним и отняло его у других, вряд ли компенсировалось наличием иерархии автономий (союзной республики, автономной республики в рамках союзной...). Проигравшими были не только и не столько титульные этносы союзных республик (а в первую очередь, конечно, неназванный титульный этнос всего союза – русские), сколько те этнические группы, которые к данному моменту находились на этапе «фазы Б (или Ц)» развития национального движения по терминологии Хроха и которые были ближе всего к функционированию в форме национального государства вне зависимости от большевистской поддержки. А также, уже с учетом неизбежных споров о территориях, проигравшими были те этносы, национальные движения которых были возглавлены партиями, считавшимися большевиками политически враждебными либо конкурентными, либо подозреваемыми ими в защите интересов социальных групп, отличных от пролетариата. Национализмы, набравшие скорость в направлении, лишенном советского «содержания», и носителей которых

нельзя было однозначно отнести к «угнетаемым», должны были быть обузданы. Деление этнических групп на «отсталых» («восточных») и «неотсталых» («западных»)¹⁰ [Martin 2001, p. 23, 167], пусть и очень приблизительно, отражает состав выигравших и проигравших от межэтнического передела. Советская национальная политика, как превращающая действительных и потенциальных агентов национализма в подопечных режиссуре актеров, была в самом деле прелюдией к новому официальному национализму¹¹ (гораздо более гибкому, чем русскому поздней империи) и к крупномасштабному действию (и действу¹²), подчиненному логике «разделяй и властвуй». К 1923 г. декретируется поддержка следующим четырем национальным формам: национальным территориям, языкам, элитам и культурам, но с расчетом на то, что они не будут вступать в конфликт с идеей и строительством фактически унитарного государства, разумеется социалистического [Martin 2001, p. 9–10].

Вернемся к неслучайно упомянутому в самом начале моего ответа на первый вопрос нахичевано-карабахскому случаю. С точки зрения реал-политики случай, думаю, предрешен Московским договором между большевистской Россией и кемалистским правительством в Ангоре (Анкаре) в марте 1921 г., где предвидится непередача Нахичевани Советской Армении и ее обособление как автономного эксклава советского Азербайджана [Transcaucasia, Nationalism, and Social Change 1996, p. 293]. Я постараюсь понять случившееся с точки зрения «системной логики» большевистской национальной политики, отрываясь от конкретных событий конца 1910-х – первой половины 1920-х гг. и пока воздерживаясь от ее проецирования на их канву (касательно них, я бы указал на сжатое изложение в [Smith 1999, p. 56–62]). Моя спекуляция приближается к опыту объяснения Смита [Ibid., p. 63–64], но его объяснение пересказывать не стану. «Коренизация» в смысле фаворизации коренных элементов за счет пришлых могла благодетельствовать азербайджанцев в ущерб армянам по причине исторической близорукости: в масштабе одного-двух веков армяне могли быть пришлыми хотя бы на некоторых из оспариваемых территорий, но в масштабе четырех-пяти веков это было как раз наоборот (при несущественном условии, конечно, признания существования азербайджанского этноса в столь отдаленный период).

Однако основной системной причиной фаворизации азербайджанской точки зрения в ущерб армянской была, следует считать, антиколониальная установка большевиков, или то, что Терри Мартин назвал колониальной посылкой большевистской политики по национальному вопросу и принципом меньшей опасности [Martin 2001, p. 6–7]: мусульмане, молча или вполголоса, признавались более пострадавшими от империализма, чем христиане, при видимом невнимании к индивидуальным случаям и к самому очевидному количественно-качественному параметру (смерть, в необычайном даже для войны, числе¹³).

Следует признать и силу действия другого принципа этой политики, названного Мартином «пьемонтским»: особое внимание к этносам, оказавшимся по обе стороны советской границы, с тем, чтобы пробудить и стимулировать желание зарубежной части этноса присоединиться к порубежной [Martin 2001, p. 8–9]. Сколь бы циничным ни

¹⁰ Кроме географически западных этносов, в эту категорию попадали грузины и армяне.

¹¹ «Официальный национализм» в смысле Бенедикта Андерсона ([Anderson 2006, p. 83–111]; ср.: [Özkirimli 2017, p. 121–122]). Он заимствует термин из Сеттона-Уотсона и обозначает им самонатурализацию (самоэтнизацию) имперских режимов в ответ на рост национальных движений в многоэтнических империях XIX века. Наиболее яркими, но далеко не единственными, образцами, видимо, следует считать имперские национализмы поздних Габсбургов, Романовых и Османов.

¹² Мистериальному.

¹³ В случае ассирийцев за 1914–1918 гг. было истреблены две трети (!) популяции (более или менее современные событиям изложения о случившемся в немаргинальных, в т. ч. академических, источниках, и в частности российского дипломата, см. в: [Travis 2018, p. 48]). Принцип «восстановительного», «залечивающего» правосудия, вроде бы один из основополагающих для большевистской национальной политики, уже здесь применяется выборочно либо обнаруживает второстепенность своего значения.

был такой взгляд, армяне за советско-турецким рубежом были к 1923 г. истреблены либо выгнаны, что делало порубежных армян совершенно бесполезными с точки зрения «пьемонтского принципа» («репатриация» сущих в рассеянии «зарубежных» в Советскую Армению была возможна, но без присоединения территорий на западе и юго-западе, совсем недавно населявшихся ими). Тогда как азербайджанцы СССР могли быть полезными в отношении как Ирана (на этом расчете, должно быть, покоилась советская оккупация северо-запада Ирана в 1945–1946 гг.), так и пока что союзнической Турции (кстати, были бы полезными и грузины-мусульмане)¹⁴.

Наконец, следует указать на еще один системный фактор, затрагиваемый в теоретическом введении Мартина, но не очерченный им как какой-то самостоятельный принцип: «инфицированность» того или иного национализма буржуазным либо конкурентным большевизму социал-демократическим содержанием, как бы неблагонадежное «досье», предупреждающее о большей трудности его переплавки в правоверный большевистский национализм. «Дашнакская» (пред)история армянского и «меньшевистская» грузинского национализмов не могли не быть тяжким грехом в глазах Сталина, его единомышленников и подчиненных. (Несмотря на признание их работы как как бы предуготовительной, см. [Martin 2001, p. 15].) Здесь сказываются посылки о маскировочном содержании национализма [Ibid., p. 4–5] и об антиколониальном содержании национализма «угнетенных»/«малых» народов. Можно пойти еще дальше и утверждать, что пониженная чувствительность большевистской национальной политики к совершенно недавним армянскому и ассирийскому (айсорскому) геноцидам¹⁵ – в угоду теоретическим принципам (не забудем, что нацполитика лишь средство обезбуржуазивания и ускорения перехода к бесклассовому интернациональному бытию) и реал-политическим соображениям – были невольным тестом на антигуманность этой политики, антигуманность, которая обнаружилась в общем лишь после 1932 года.

Метафоры «пародии», «травестии» и «маньеризма» применимы не только к деятелям (функционерам) нацстроительства, но и к самим результатам: «нациеподобность» советских республик (см.: [Martin 2001, p. 15]) можно назвать и пародией на национальное государство (с точки зрения национализма), и травестией (с точки зрения советского интернационализма). Согласно обобщению Мартина, Советское государство не только «буквально взяло на себя заведывание всех трех фаз» национального движения по Хроху (а именно, «элитарного неполитического интереса к фольклору и народной культуре, консолидации националистской элиты, посвящающей себя созданию нацио-

¹⁴ Тем более что после беспрецедентной этнической очистки, проведенной османскими, а затем кемалистскими регулярными и нерегулярными частями, и курдскими племенами в т. ч. на территориях, принадлежавших к началу войны Российской империи и нейтральному Ирану, и кульминаровавшей в 1915, 1918 и 1919 гг., но продолжавшейся и в 1920-х гг. (см.: [Let Them not Return ... 2017; The Assyrian Genocide ... 2018]), азербайджанцы получили беспрецедентное демографическое преимущество на правом берегу Аракса (в особенности на территории Ирана, в районе озера Урмия). Тем не менее на Парижской мирной конференции в 1919–1920 гг. было депозировано шесть меморандумов, просящих/требующих создания ассиро-халдейского государства в северном Ираке и, севернее, на части территории между озерами Урмия и Ван, так как в 1919 г. ассирийцы все еще обладали некоторой военно-политической субъектностью на местах своего проживания [The Assyrian Genocide ... 2018, p. 228–234; Let Them not Return ... 2017, p. 22–24]. В отличие от курдов, тоже выигравших от очистки, азербайджанцы обрели стратегические преимущества над всеми своими соседями, к моменту образования СССР своего государства не имевших. Это стратегическое преимущество покоилось и на наличии большой собственной автономной территории в СССР, и на сильной языковой и этнической близости к этно-языковому ядру турецкой нации (на фоне политики, мягко говоря, жесткой туркизации в кемалистской Турции). Неудачный опыт создания курдской автономии (Курдистанский уезд, впоследствии Курдский национальный автономный округ, 1923–1929, с центром в Лачине, в рамках Азербайджанской ССР [Hasratian 1998, p. 40]) в рамках Закавказской/закавказских ССР, усилил названное стратегическое преимущество.

¹⁵ Прекрасным введением в эту проблематику могут быть эти тома: [Let Them not Return ... 2017; The Assyrian Genocide ... 2018]. Тем более что они освещают проблематику с точки зрения наименее известного геноцида – ассирийского.

нального государства, и возникновения массового националистического движения», в пересказе Мартина), но и инициирует меры, которые можно отнести к не сформулированной Хрохом «фазе Д»: водворение нового государственного языка и новой управляющей элиты [Martin 2001, p. 15].

Здесь проступает черта того, что я назвал бы тепличной глобализацией. Отличительным признаком последней следует признать создание транснациональной элиты, союзного партийного актива. Такая тепличная глобализация отличается от «настоящей», центрированной на глобальных имперских проектах Британской империи, а затем США, большей видимостью транснационального правящего аппарата. Равно как и отличается на порядок большей степенью контроля над перифериями: если в конце XX века (а тем более сегодня), в условиях фактически многополярного мира, были все-таки государства с действительным (ограничиваемым только уставом и резолюциями ООН) суверенитетом, то союзные республики советской «федерации» обладали лишь ограниченным культурным суверенитетом.

Мартин не замечает фундаментального отличия между национальными движениями, анализ которых привело Хроха к его теории, и большевистской национальной политикой в СССР: «архитекторский», «инженерный» характер последней, который делает ее крупномасштабной разновидностью того, что Андерсон назвал «официальным национализмом» и что можно назвать «дирижированным национализмом» или «дирижированными национализмами и сверхнационализмом». Планирование на порядок превалирует над спонтанностью. В конце концов мы приходим к известному словосочетанию «социально-политический эксперимент». Здесь именно эксперимент с территорией и этническими группами, ее населяющими. Большевистская транснациональная элита, в отличие от активистов, ведущих пропаганду национального становления, ставит себя на онтологический порядок выше, чем конструируемые социалистические нации. Это присвоение роли Демиурга (в смысле, знакомом по работам о гностицизме) как бы ускользает от внимания Мартина, располагающего свой анализ в плоскости исторического и социологического анализов, совершенно «невинных» философически и теологически.

Динамика перехода от «империи покровительствующего действия» (построенной на дискриминации имплицитно титульного этноса) к парадигме дружбе народов во главе с русскими в итоге национальной политики периода «Великого отступления» (1933–1938) [Martin 2001, p. 26–27] как бы обнажило близость раннесоветского конструирования социалистических наций к «официальному национализму» в смысле Андерсона, а также положило конец маньеризму/пародии/травестии.

Не думаю, что критика Франсин Хирш теории Мартина ослабляет защищаемую мной точку зрения. «Спонсируемый государством эволюционизм» [Hirsch 2005, p. 8] маньеризирует, травестирует и пародирует процесс образования наций не в меньшей степени, чем «империя покровительственного действия». И тот и другой автор, по-разному дефинируя небескорытность советского нациестроительства и по-разному называя события 1933–1939-х гг. (отступление от политики покровительственного действия для Мартина, интенсификация политики «амальгамирования этноисторических групп» для Хирш [Hirsch 2005, p. 9, note 21]), никак не лишают нас оснований уподобить это строительство официальному национализму, важным приемом которого были временные уступки (ср.: [Андерсон 2006, p. 85]) с дальним прицелом. Знаменательно то, что, как указывают оба автора (Мартин и Хирш), проявления «спонтанного национализма» [Hirsch 2005, p. 9], очевидно толкуемые как проявления национализма буржуазного, карались [Martin 2001, p. 23 и др.; Hirsch 2005, p. 9 и др.]. Но к 1929 году, когда центральная власть уже достигла «концептуального завоевания земель и народов в границах» СССР и началось «наступление на идеологическом фронте для установления контроля над индивидами и институциями производства [этнографического] знания», «местные элиты» были уже научены, «как показывать, что их национализм был правильного “со-

ветского” толка, в сторону от “буржуазных” тенденций и амбиций» [Hirsch 2005, p. 12]. Мимикрия, конечно, конгруэнтна пародии и трагедии.

Двойная нацеленность в СССР таких инструментов национального (и имперского) строительства, как перепись населения, карта и музей (они использовались в целях «двойной ассимиляции» – людей к ассигнированным национальностям, но и национальностей к советскому государству и обществу [Hirsch 2005, p. 14]), тоже сближает этот процесс социального конструирования с процессом конструирования официальной нации (российской, габсбургской, османской). Опыт конструирования османской нации и национализма (см. ниже), при сохранении деления на «миллеты», напрашивается как случай типологически сходный с советским (довоенным). Категоризация по национальному признаку «кланов и племен, подчас не имеющих национального самосознания», конечно, «помогает режиму преследовать свою повестку спонсируемого государством эволюционизма» [Hirsch 2005, p. 14], но, с моей точки зрения, это как раз «маньеристское» обнажение приема.

Большевики и хотя бы Габсбурги близки тем, что сознательной установки на русификацию и на германизацию ни у тех ни у других не было, зато была на централизацию, при всем том, что в первом случае стимулировались в определенных рамках национализмы [Hirsch 2005, p. 5–6, 12–13 и др.; Anderson 2006, p. 84]. Мартин указывает на значимость габсбургского примера (и прежде всего, неуспеха сохранить единство) для Ленина и Сталина [Martin 2001, p. 19]. Вполне монологически «ставя на сцену» «диалог»¹⁶, т. е. ими же возвращенные либо муштрованные национальные движения, они избежали габсбургской катастрофы, но и нечаянно приблизились к позднеосманскому опыту. Конституционная революция 1908 г., восстановившая действие суспендированной Абдул-Гамидом османской конституции 1876 г., организованная младотурками и их радикальным крылом «Обществом единения и прогресса» и потом легально приведшая Общество к власти, ограничила права монарха и подтвердила права «унаследованных» от доконституционного периода «миллетов» (в т. ч. приводя к перестановке сил внутри них), но от проекта османской нации номинально не отказалась, хотя все больше наполняла его турецким националистическим содержанием [Hanioglu 2008, p. 150–167].

Полиэтничность была частью проекта османской нации и его публичного промотирования/прононсирования [Zürcher 2010, p. 93, 215 и др.]. «Османизм – это была идея, что все [столь] разные этнические и религиозные общности империи сольются в одно османское гражданство и останутся лояльными Османской династии, лишь только мусульмане и не-мусульмане будут дарованы полным равенством перед законом и парламентарным представительством. <...> Этот идеал, возникший в 1860-е годы, был официальной идеологией османской конституции 1876 года, а также восстановившей ее конституционной революции 1908 года, но сколько из революционеров в самом деле верили в него, является спорным» [Zürcher 2010, p. 215]. Более того, есть веские основания утверждать, что Общество единения и прогресса, правящая в 1908–1918 гг. организация, уже к 1906 г. пришла к турецкой националистической программе, т. е. османизм в революционный и пореволюционные годы был тактическим приемом [Zürcher 2010, p. 147, 217, 230 и др.].

«Османизм, исламизм и тюркизм были инструментами усиления позиции османских мусульман (как и вестернизация), а не целями» [Zürcher 2010, p. 231]. Это стоит подчеркнуть – не ради демонизации младотурецкого режима, а ради указания на сопоставимость с большевистской инструментализацией национализма. Большевистскую национальную политику следует признать вторичным (как официальный национализм поздних империй), но и проактивным моделированием ручных национализмов под сенью сверхнационализма. (Стоит напомнить, что, как указывает Андерсон [Anderson 2006, p. 87], провозвещение Уваровым принципа «народности» наряду с «самодержав-

¹⁶ Здесь я пользуюсь известным определением, данным Михаилом Бахтиным, драмы как монолога, выводящего на сцену диалог.

вием» и «православием» было тоже в свое время как бы преждевременным.) Разрыв между христианскими общностями и младотурками около 1908 г. [Zürcher 2010, p. 58] похож на разрыв между уже сложившимися национализмами Российской империи / раннего СССР и большевиками, при двух существенных различиях: на порядок большая асимметрия сил между первыми и вторыми в случае СССР и наличие у большевиков идеологической программы, заходящей далеко за прагматический горизонт сохранения территориально-политического единства¹⁷.

Образование СССР привело и к «стадиальному» ускорению процесса взаимного отчуждения между близкородственными этническими общностями (либо территориальными группами одной и той же общности), оказавшимися по ту и по эту сторону границы: молдаван и румын; карелов и финнов; таджиков СССР и Афганистана; азербайджанцев («татар») СССР и Ирана; лазов (с одной стороны) и грузин-мусульман Аджарии, но также и мегрелов (с другой)... Похожее переживал, кажется, и русский этнос, но итог Второй мировой войны, в т. ч. образование советской нации (ед. ч.) и резкая «асимметризация» политического и культурного капитала двух «Россий» (или «пород» русских людей) приостановило процесс, в самом деле «распылив» Россию эмигрантскую. Произошло также стадиальное обновление политики массовых депортаций (введенную когда-то в политическую культуру региона, насколько мне известно, монгольской державой, а потом освоенную Османской и другими).

Наконец, я склонен предположить, что этносам СССР была сделана ранняя прививка от глобализации путем «тепличной» протоглобализации¹⁸. Я оперирую здесь интуитивно-упрощаемым и синтетическим понятием «глобализации» как 1) совпадения геополитического образа мира с физико-географическими пределами планеты Земля и одновременного с ним 2) структурирования таким способом «заземленного» образа мира с оглядкой на свое участие в мировом (политическом, экономическом, культурном) господстве и на перспективы увеличения своей доли в нем. Иными словами, я понимаю глобализацию как перформативный проект завоевания мира = планеты (тем самым переживаемую к концу XX века и обычно не уточняемую определением глобализацию следует понимать не как глобализацию *Rex Americana*, а как эмпирически фиксируемое насыщение болгарского, российского и т. д. рынка не только китайскими, но и турецкими товарами разных продуктовых категорий – экономическим признаком действия китайской и турецкой глобализаций).

Понятие «тепличной» «протоглобализации» можно применить к советскому опыту с совершенно различных теоретических ракурсов. Во-первых, это крупномасштабное и усложняющее типовой образец подобие «официального национализма», которое я распознал и попытался охарактеризовать выше. Во-вторых, это воображение либо позиционирование себя в качестве центра, либо модели (прогрессивной, должной) мировой культуры к середине 1930-х годов, обозначенное Катериной Кларк метафорой «Четвертый Рим» ([Clark 2011]; см. в особенности введение и пятую главу)¹⁹.

В-третьих, это обобщения с точки зрения истории экономики и макроэкономики (политэкономии, по известной терминологии). Но в этом случае, с опорой на работу Арнасона [Arnason 1995], следует предложить несколько иное (но в корне то же самое) определение глобализации: инновативный ответ на вестернизационное давление [Arnason

¹⁷ Продолжая советско-османскую аналогию, я сравнил бы итог Второй мировой войны для СССР с итогом Первой мировой для Османской империи, но *при гипотезе победы в ней Центральных сил*.

¹⁸ Первоначальным толчком к этому утверждению послужило мимоходом брошенная характеристика советской социокультурной формации как «миниглобализации, когда на территории Советского Союза фиксируются все характерные признаки культурной глобализации (миграция, размывание языковых границ, би- и полилингвизм, единство приоритетов сетки ценностных ориентаций и т. д.)» (Иринэ Модебадзе, в: [Модебадзе, Мегрелишвили 2015, p. 129]).

¹⁹ К данной перспективе понимания советского опыта как опыта тепличной (прото)глобализации можно подключиться и при расширенном понимании понятия «Культуры Два» Владимира Паперного: СССР – не часть мира, но мир в мире (модель не синекдохи, а метафоры).

1995, р. 37], обнаруживший расклад сил и потенциал изменения глобального порядка. СССР оказался (и строился как) глобально привлекательный ответ на вызов глобального расширения Европы и капитализма. Словами Йоханна Арнасона, «советская модель была стратегией модернизации, основанной на синтезе имперской и революционной традиций» [Arnason 1995, р. 52], притязавшей на статус альтернативной цивилизации с глобальной миссией (ср.: [Ibid., р. 39, 44]), попытавшейся, как он показал, быть альтернативным западному политико-культурным (с меньшим успехом – экономическим) миром в планетарном масштабе. Глобализацию конца XX в., принимаемую нами как имя нарицательное, как глобализацию в точном смысле слова, т. е. США-центричность мира при растущей независимости рынков и растущей зависимости государств (ср.: [Arnason 1995, р. 36]), следует счесть *успешным* ответом на советский неуспешный, но инновативный ответ на тот вызов (ср.: [Arnason 1995, р. 37, 52]).

«Прививку», или эффект «прививки», следует понимать как необязательно осознаваемый скепсис в отношении актуальной глобализации, скепсис, покоящийся не на приверженности старым, относительно «камерным» образу жизни и картине мира, не на теоретических аргументах, а на ощущении *deja-vu* и недоверия к подобию некогда пережитого (вне зависимости от отношения к смутному либо яркому образу «пережитого» – будь то отторжение или ностальгия). Этот потенциальный и недоосознанный скепсис может дополняться у большинства населения разочарованностью в результате либерализации и очевидного «отмыкания» российской экономики²⁰ в 1990-х годах (своевременное изложение девиаций в этом процессе и абрис разрушительного эффекта от его проведения на российскую экономику и вставшего было на путь демократии общество даны в: [Mommen 2001]). А также отчасти связанной с этим разочарованием актуализацией позднесталинистского (в смысле Евгения Добренко) набора ценностей, или выхода позднесталинского «генотипа» советско-российской нации в ее «фенотип» (об этой преемственности и идентичности см. ниже).

Выходя за круг попавших (и втолкнуемых) в СССР народов и территорий, скажу, что с образованием СССР произошло смертельное саморанение так называемой православной цивилизации (на самом деле здесь лишь итог событий 1917–1921 гг.; я затрудняюсь указать на какой-то один исторический момент как на самый важный). Наиболее могущественный член «семьи» подмял ее под тяжесть собственных проблем, решаемых без оглядки на соседей и родных. Как события 1917–1922 гг. в бывшей Российской империи «подмяли» православную «семью» культурно-политических общностей? Россия перестала быть православным государством, т. е. исчез наиболее крупный представитель «семьи». Православные христиане Ближнего Востока лишились своего «патрона» из круга «Великих сил» (благо, что большая часть его территории подпала под власть французов и британцев, а не – уже открыто – ксенофобской Турции Кемалю).

Греция была предоставлена самой себе в войне с кемалистами 1919–1922 гг. (последним даже поставлялось оружие из Советской России; какой поворот в рамках нескольких лет!), Великобритания сохраняла нейтралитет, а Франция провела довольно нерешительные военные действия в Киликии и западном Курдистане (сирийско-турецкой пограничной полосе, по нынешним маркерам). Грузия восстановила свою самостоятельность (в урезанном с юго-запада виде, по сравнению с положением на 1914 год), а в марте 1921 г. Советская Россия ее поглотила в результате фактически совместной с кемалистскими силами Турции военной акции [История России ... 2010, с. 722], признав потери турок Карским договором в октябре 1921 г., договором, наверняка преддетерминированным большевистско-кемалистским Московским договором марта 1921 г. Болгарское царство вышло ослабленным, урезанным территориально

²⁰ «Отмыкания» очевидного, так как закрытость послевоенной советской экономики была, вероятно, иллюзорной и является, скорее всего, историографическим мифом (см.: [Haunes 2017] (рецензия на книгу Оскара Санчеца-Сибони «Красная глобализация: политическая экономия советской холодной войны от Сталина до Хрущева», 2014); [Tumarkin 1994, р. 172–173] (цитируется высказывание Владимира Солоухина на собрании Общества «Память» 17 февраля 1989 г.)).

и униженным из Первой мировой войны; некоторые современники и исследователи утверждают, что будь царская Россия участницей Парижской мирной конференции 1919 г., условия Нейского договора для Болгарии были бы худшими, но захват России большевиками не замедлил сказаться на Болгарии, сделав ее ареной экспериментального «вывоза» революции к 1923 г. и стимулировав (если не вызвав) низкоинтенсивную гражданскую войну в Болгарии 1923–1926 гг. Румыния и Сербия (развернувшаяся/раздувшаяся в Югославию) вроде бы выиграли: первая получила территории, которых в случае невыхода России из мировой войны она не получила бы, а вторая получила немалочисленный и относительно высококвалифицированный контингент русских эмигрантов, который не мог не поддержать ее квазиимперские амбиции.

Подпечаталось и (не)вольное *соучастие* российских большевиков в смертельном ранении так называемой сирийской цивилизации (по терминологии в смысле Тойнби, см.: [Lewis, Wigen, 1997, p. 129, 152–153; Toynbee 1948, p. 72–84, 90–92 и др.]; имеется в виду мозаичная – и «архипелагическая» – цивилизация, связующая христиан-нехалкидонитов²¹, но также – тогда еще – не совсем вестернизированных иудеев, в т. ч. Европы, а также парсов (зороастрийцев Индии)²². Большевики содействовали туркам (османским, а затем кемалистским политикам и войскам) закончить в 1918–1921 гг. начатое в 1915–1916 гг. *окончательное решение* армянского и ассирийского²³ вопросов²⁴. Для армян это «решение» приостановилось после ряда перипетий, в т. ч. основания и упразднения Первой армянской республики, унижительным Карским договором 1921 г., заключенным как бы и за армян²⁵ [...] между действовавшими как союзники большевиками и кемалистами [История России ... 2010, с. 720–723; Transcaucasia, Nationalism, and Social Change 1996, p. 285–293], и делимитацией границ внутри Закавказской ССР.

«На международном фронте Советская Россия пожертвовала армянским вопросом, чтобы цементировать альянс с турками» [Transcaucasia, Nationalism, and Social Change 1996, p. 293]²⁶. Для айсоров «окончательное решение» кончилось уничтожением двух третей популяции (см. выше), фактическим снятием вопроса о возможности их этно-территориальной субъектности (замена горизонта Севрского договора горизонтом Лозаннского (см., напр.: [The Assyrian Genocide ... 2018, p. 234–235]) и их выходом из

²¹ Вступивших или нет в унию с римским папой. Наиболее крупными фрагментами этой суб-цивилизационной семьи ныне являются армяне, копты, марониты Ливана, последователи традиционных церквей Эфиопии и Эритреи.

²² Тойнби считал названные общности фоссиллами названной цивилизации, т. е. был склонен считать ее уже (давно) мертвой, но с этим можно и не согласиться (здесь не место аргументировать).

²³ Имеются в виду разрозненные христианские общности, относящие свое происхождение к древней церкви, имевшей своим богослужебным и литературным языком арамейский, и к древним ассирийским либо арамейскому этносам (конкурентные самоидентификации). О разных именах ассирийцев (айсоров) / ассиро-халдейцев / (современных) арамейцев см.: [Let Them not Return ... 2017, p. viii-ix; Donabed, Maко 2009]. Об их «национальном проекте» в XX в., нежестко связанным с «национальным проектом» маронитов Ливана, см.: [Donabed, Maко 2009; Erdman 2021].

²⁴ Аллюзия на Холокост вполне сознательная. В отличие от нацистов, турецкие националисты получили после 1918 года второй «шанс» решить вопрос, и они преуспели в этом.

²⁵ Я разделяю позицию, согласно которой этот договор недействителен, так как подписан ставленниками большевистской Москвы, а не легитимными представителями воли армянского, грузинского и азербайджанского народов. Объективно он обслуживал, кроме турецких и большевистских, интересы Азербайджана.

²⁶ Преступное попустительство и эгоизм Великобритании, Франции и США в течение в самом деле фатальных для будущего юго-западной Азии 1918–1922 годов, оставляю здесь в стороне. Удивительный культурный расизм (следует отличать от расизма биологического или биологизирующего) высших британских чиновников и военных в отношении «левантийцев» (см. образец, процитированный в [Transcaucasia, Nationalism, and Social Change 1996, p. 304]), который по его значению стоит сравнить с «ориентализмом» в смысле Эдв. Саида и который по причине ряда конъюнктурных политических причин все еще остается в тени последнего, не смог не сказаться на политике империи, несмотря на не раз заявляемое желание «наказать турок» за депортации и массовые убийства гражданских во время войны (об этом см. ниже, ссылки на Танэра Акчама).

зоны, реально либо потенциально подконтрольной Советской России²⁷ (айсоры сохранились преимущественно в Сирии и Ираке).

Основной действующей силой были, конечно, младотурки и вышедшие из их рядов кемалисты (об идеологической²⁸, кадровой и практико-политической преемственности между ними, вопреки декларируемому и, на первый взгляд, бесспорному историческому разрыву начала 1920-х см.: [Zürcher 2010, p. 108, 147–150, 213–235]²⁹). С риском повторения, стоит указать на обыгрия-вехи процесса: оставление в 1917 г. кавказского/анатолийского фронта Первой мировой войны российской армией; большевистско-кемалистское военное сотрудничество, кульминаровавшее в Московском и Карском договорах 1921 г. и позволившее кемалистам фактически обесмыслить относительно справедливый для меньшинственных этносов Османской империи Севрский договор (1920) и добиться заключения Лозаннского (1923), фактически оправдывающего геноцидальную политику предшествующего десятилетия в отношении христиан малоазийского и армянского нагорий и северных Сирии и Месопотамии и создающего предпосылки для ее успешного, с точки зрения турецкого национализма, окончания; делимитация границ в Советском Закавказье.

Образование СССР оказалось и одним из звеньев параллельных цепочек событий, положивших начало (макро)историческому циклу взаимного усиления российского и турецкого государств, русского и тюрского этнических элементов (и циклического до-«перемола» сопредельных этнических групп). Это, конечно, и одно из звеньев цепочки событий, стимулировавших приход к власти Гитлера (отсылаю к гипотезе европейской гражданской войны Эрнста Нольте). Итальянский фашизм, а тем более немецкий национал-социализм, были паническими ответами «мелких буржуа и квалифицированных рабочих» [Нольте 2003, p. 450] на ощущаемую как вполне реальную угрозу со стороны большевизма уничтожить буржуазию вне России и на вызов, брошенный большевизмом европейской цивилизации и ее мировому превосходству. Данный конфликт был самым важным в межвоенной истории Европы, при все том, что в ряде обществ Европы он занимал, видимо, периферийное положение. Антисемитизм же и великонемецкий шовинизм имели для нацизма второочередное значение, первый был продуктом ошибочной идентификации евреев как коллективного проводника большевизма, второй был неизбежной данью исторической инерции и нациецентрического мышления эпохи. Образование СССР было и первостепенным звеном цепочки событий, стимулировавших антиколониальные движения и распад «классических» колониальных империй Запада. Сам СССР был воплощением (и крахом?) надежды либо догадки о возможности модернизации, отличной от западной – и вестернизирующей.

2. По большому счету, за годы СССР произошло задержание темпа роста немусульманского населения державы; в силу как «чрезвычайных», так и «естественных» причин (недавние наблюдения над населением Западной Европы в 1980-х – 2000-х годах приводят к выводу, что у верующих, вне зависимости от конфессии, более высокая рождаемость, нежели у неверующих [Kaufmann, Goujon, Skirbekk 2012, p. 79–80])³⁰.

²⁷ Гипотеза налаживания какой-то договоренности с СССР обдумывалась и обсуждалась по инициативе фактического ассирийского военно-политического руководителя Ага Петроса в 1923 г., после того как становится очевидной невозможность наладить автономию ассирийцев Северного Ирака под юрисдикцией Франции, Великобритании и Турции [The Assyrian Genocide ... 2018, p. 203]. Возможность переселения в «южную Россию», после гипотетического устранения расхождений между СССР и Великобританией, обсуждалась и в 1926 г. госпожой Сурма (фактическим духовным руководителем иракских ассирийцев) при встрече с Архиепископом Кентерберри [Ibid., p. 208].

²⁸ Бесспорной до 1922 г. и подлежащей оговоркам для последующих лет.

²⁹ Том является монтажом работ Эриха Цюрхера разных лет, актуализированных и отредактированных автором.

³⁰ Хотя кажется допустимым спекулировать, что такая корреляция является исторической переменной.

Есть основания догадываться, что советское управление народами и людьми привело к усталости от модернизации и модерности. Далее, стали обычными и утвердились в качестве нормы практики мирного и военного конструирования этнического состава территорий, в т. ч. путями симулирования демократических (по западным стандартам) процедур и массовой депортации (*sürgün*³¹ forever!)³². Этому способствовало не само создание и существование СССР, но последующие спады десталинизации (в 1960-х годах и в новом веке), конечное отсутствие таковой (в масштабе, сравнимом с масштабом денацификации Германии: дело не в укрывшихся или практически помилованных военных преступниках, а в (не)возможности нового прихода к власти стигматизированных идеологии и практики).

Победителей не судят; так было в 1945 г. Формирование, к этому времени, советской нации (с ее центральным мифом «Великой Отечественной войны»³³, подлинной инициацией, кровно связавшей партийных и беспартийных и исключившей ненужных людей не только путем депортации и экзекуции, но и выдворением из общественной памяти (см.: [Weiner 2001, p. 7–8, 17–20, 34, 39; Dobrenko 2020]) замедлило и приостановило процесс десталинизации в послеперестроечное время (см.: [McClarnand 1998, p. 171; Hill 2000, p. 175³⁴]). Десталинизация в самом деле противопоказана идентичности советской нации, а первое поколение этой нации, как указывает Добренко [Dobrenko 2020, p. 10], имело необычайно (достаточно) продленную социально-политическую жизнь, чтобы заморозить дважды начинавшуюся было эрозию этой нации³⁵.

Современную российскую нацию следует считать прямым наследником советской, с тем же центральным мифом, ставшим уже и мифом об основании (миф об Октябрьской революции стал уже не нужен). Важнейшим процессом этой трансформации-(пр)исохранении идентичности я счел бы «ресталинизацию», определяемую Диной Хапаевой как «массовое движение, основанное на непроработанной памяти о советских преступлениях» [Хапаева 2016, p. 61–62] и начавшуюся уже в 2000-х гг. [Ibid., p. 64, 66–67]. В годы оттепели миф о войне ставился под сомнение только под двумя углами³⁶: роли Сталина для хода войны (и ставился с ног на голову) и (не)выгодности для СССР пакта Молотова – Риббентропа [The Dilemmas of Destalinisation ... 2006, p. 182]; а в публикуемой художественной литературе был совершен поворот к честному нату-

³¹ Об османской системе «сюрюн», по всей вероятности, перенятой у монголов, см.: [Braude 2014, p. 16–17].

³² Совершенно не могу согласиться с атрибуцией – исторически и географически близорукой (если не сознательно манипулятивной) – практик массовых переселений, мимоходом данной в работе Амира Вейнера [Weiner 2001, p. 29, note 45]. Сочетание в ней имплицитных европоцентризма и исламофилии (см. [Ibid., p. 28–29, note 44]), выводимых из доминирующего – хотя бы в медиа и среди политических элит – западного дискурса о событиях в бывшей Югославии 1990-х гг. Введением в этот контекст может послужить [Travis 2018, p. 37–38, 50–54, 57–58, 61–63, 265–268]. Что касается указанной работы Вейнера, я не могу не признать ее вывода об основополагающем значении Второй мировой войны для СССР и советской идентичности.

³³ Кавычки отражают факт моего приятия точки зрения «Истории России в XX веке» под редакцией Андрея Зубова на характер этой войны.

³⁴ «При всем том, что Партия может упоминаться все реже в постсоветских работах о войне, культ Партии все больше заменяется тем, что можно определить как культ “Родины”. По сути дела, на месте не подлежащей критике Партии теперь располагается не подлежащий сомнению патриотизм советского народа, в особенности русских. Это как нельзя лучше видно на примере долгожданного наследника многотомных историй Великой отечественной войны хрущевских и брежневских времен, <...> “Великая Отечественная война 1941–1945” <...> под редакцией А. Золотарева» [Hill 2000, p. 175].

³⁵ В т. ч. *продвижение* Дня Победы уже при Брежнев, в 1965 г., как нерабочего дня и активизация строительства монументов и присуждений статуса «город-герой» (см.: [Marples 2012, p. 287]).

³⁶ Не опубликованная в свое время литература, как «Жизнь и судьба» Гроссмана, не в счет. Там ставится, например, вопрос об *инструментализации* порыва к свободе после тридцатых годов и обманутой, еще в сорок третьем, надежды на нее [Finney 2013, p. 318].

рализму, в особенности психологическому, в ее изображении (см.: [Finney 2013, p. 316] и отсылки там).

В период перестройки центральный миф подвергся более основательной и многосторонней критике и десакрализации [Tumarkin 1994, p. 174, 183–184, 189–191]³⁷, но подобно тому, как в период «оттепели» «отдавался» на символическое растерзание Сталин, но охранялась партия (об этом писал Михаил Геллер), теперь «отдавались» партия, Ленин [McClarnand 1998, p. 160–161] и сам марксизм(-ленинизм) [Ibid., p. 159–160], но охранялось что-то другое. В 1990 г. это, кажется, была русская история, которая диссоциировалась, одной из спорящих сторон, от сталинизма (протестное письмо Кожина, Шафаревича, Распутина, Белова [Ibid., p. 163]); и которая, возможно, была единственным «выходом» на действительно «высокую» культуру для существенной части населения (см. ad hoc социально-психологический анализ в [Tumarkin 1994, p. 173]).

С точки зрения последующих десятилетий это «другое» опознается в ином. Это, кажется, не более и не менее чем миф об искупительной и воскрешающей силе военновременных страданий-и-победы, снимающей и расколотость по линии жертвы vs нежертвы сталинизма, и расколотость по линии принадлежности к подлежащим «наказанию» vs прочие этносы, и расколотость по линии участия (символического либо физического) в войне против или на стороне СССР³⁸. Как указывает исследователь, перестроечные споры о сталинизме дошли до основного вопроса русской культурфилософии: откуда несчастья России – от неспособности усвоить европейскую цивилизацию или как раз из-за перенятия чуждых ей идей? [McClarnand 1998, p. 168].

В случае второго варианта ответа открывалась логическая возможность расщепить дела и дни сталинизма на «чужие» и «свои». Предельно упрощая: система насилия была завозной, но мобилизация ради победы в войне была своей. Такое принципиаль-

³⁷ Например: не спасли мир от фашизма, а привезли его в Восточную Европу; мы, победители, живем как нищие, а бывшие побежденные – как князья. Для некоторых из национальностей отторжение от СССР было «единственным логическим следствием десталинизации» [Tumarkin 1994, p. 190].

³⁸ Я фактически прихожу к точке зрения Хапаевой: «Миф о “Великой Отечественной Войне” имеет ключевое значение для понимания режима Путина, потому что он инициировал идеологический консенсус между властями и обществом. При Путине этот сталинистский миф, который возвеличивает Великую Победу над фашизмом как первостепенное событие мировой истории, был реанимирован в качестве основополагающего мифа постсоветского российского общества. <...> Советский Союз и русская нация представлены как мессианская нация, которая жертвовала собой для счастья человечества. Таким образом, любые преступления, совершенные во имя этой глобальной победы, считались оправданными» [Khapaeva 2016, p. 65]. Сохранность «реанимируемого» при Путине, а точнее, ре-официализируемого, мифа отмечал еще на исходе 1990-х гг. Амир Вейнер [Weiner 2001, p. 17–18, note 18]. В отличие от Хапаевой, я не считаю нежелание постсоветского российского общества проработать память о советских преступлениях единственной первостепенной причиной указанной реанимации или реофициализации. Не менее важным фактором представляется мне пронизанность политической элиты и общества тем, что можно назвать русским имперским комплексом, или уязвленностью от внешней недооценки всемирно-исторической миссии страны. Он и усугубил, в достаточной степени, переживавшееся в 1990-х гг. чувство национальной униженности. К чувству униженности прибавилось действие чувства угрозы. Последнее присутствовало в формационный период советской нации, когда «открытие мира» советским человеком «было отравлено самой острой фазой Холодной войны» [Dobrenko 2020, p. 6–7], и сочетание этих чувств не могло не востребовать ресталинизацию как эмоциональное прибежище. Применяя добренковские рассуждения об относительно «бессобытийном» позднесталинистском периоде к 1990-м годам, можно предположить, что у перестроечной саморефлексии, в отличие от сталинистской консервативной революции, не было времени, не было «тишины» устояться в «способ жизни», «способ мышления», «структуры повседневной жизни» (ср.: [Ibid., p. 4]). Оказывается, русская/российская мысль не смогла, или же русская/российская жизнь не успела, накопить критической массы культурного, социального, политического капитала, чтобы страна, ее идентичностный мейнстрим перестали «жить в долгу у Сталина» (ср.: [Ibid., p. 7]). (Русское издание книги Добренко мне недоступно, поэтому ссылаюсь на переводное.)

ное решение, вне зависимости от степени своей внутренней противоречивости, было бы удобным, так как давало возможность отмежеваться от многого, сохраняя некое ядро идентичности при видимой невозможности идти дальше в процессе демифологизации³⁹. Уже в 1990 г. из советской Великая Отечественная становилась русской, как показывает выставка, организованная полковником Николаем Соломиным на Манежной площади в Москве к 50-летию начала войны [Tumarkin 1994, p. 191–192].

Сталинизм получил символическое право быть частью русской (или российской) имперской идентичности. Поэтому и побежденных не судили. Суд возможен при необратимом военном поражении или при осторожно стимулируемом процессе критической саморефлексии, а вероятнее всего – при том и другом одновременно. Фактический неуспех судебных процессов и сопутствующих мер 1919–1922 гг. против организаторов армянского геноцида, проанализированный Танером Акчамом и Ваханом Дадрианом, кажется прообразом (не точным) конечного неуспеха десталинизации 1980–1990-х гг.⁴⁰ Главным в турецком случае кажется то, что для турецкого общества, элиты, в особенности кемалистов и их сторонников, послевоенный суд над организаторами депортаций, массовых убийств и наказание всех турок или Турции территориальной парцелляцией были разными повестками, первая была вполне приемлемой, вторая – абсолютно неприемлемой как для султанского правительства в Стамбуле, так и для националистического в Анкаре [Акçam 2004, p. 191–192, 194, 196, 203]. Успешный отпор попыткам Антанты осуществить второе намерение снял с повестки и первое: основанная кемалистами республика отреклась от своих связей с поздней империей (и ответственными кадрами младотурецкой партии), а о событиях постарались забыть [Ibid., p. 204].

³⁹ Такое принципиальное решение соответствовало и исторически достоверному (я не говорю – истинному) образу ускоренно ренационализирующегося в 1930-х – начале 1940-х сталинизма.

⁴⁰ 24 мая 1915 года правительства Антанты предупредили османское правительство о тяжелых последствиях организуемых им массовых депортаций и убийств османских граждан армянской национальности, определяя их как «преступления против человечества и цивилизации» [Акçam 2004, p. 184]. В начале 1919 г. представители стран-победителей учредили «Коммиссию об ответственности авторов (зачинщиков) войны и о применении наказаний» [Ibid., p. 186], в результате ее работы было принято решение об учреждении специального международного суда, призванного судить ответственных за военные преступления, но не за преступления «против человечества», по причине невозможности/нежелания ретроактивного применения норм (международное право к 1914 г. не содержало законоположений о том, можно ли привлечь к ответственности за преступление, совершенное во имя или от имени того или иного государства, а также о подсудности государства за действия против его же собственных граждан) [Ibid., p. 187–188]. Работа этой комиссии все же дала достаточный материал для последующих международно-правовых формулировок, на основе которых стали возможными Нюрнбергский и Токийский судебные процессы после Второй мировой войны [Акçam 2004, p. 189–190; Dadrian, Акçam 2011, p. 2]. Позже, в том же 1919 году, была достигнута договоренность о проведении судебных процессов османским судом по османскому же законодательству [Акçam 2004, p. 195–196]. В 1919–1922 гг. в Стамбуле военными судами было проведено более шестидесяти процессов [Dadrian, Акçam 2011, p. 6] по обвинениям в организованном из центра массовом убийстве путем «депортаций и резни», а также в депортации, убийствах, грабежах, истязаниях, избиениях, изнасилованиях, незаконном присвоении недвижимости и др. [Ibid., p. 4, 207–242], которые кончились восемнадцатью смертными приговорами, пятнадцать из которых, в том числе Талаату, Энверу и Джемалю пашам, in absentia (заочно. – *Ped.*) [Ibid., p. 195–196]. Обвинительные акты и приговоры процессов переведены на английский язык, опубликованы и откомментированы Акчамом и Дадрианом в 2011 г. в только что цитированном томе (обвинения и вердикты по наиболее важным из них публиковались как «аннексы» к выпускам официальной газеты османского парламента [Dadrian, Акçam 2011, p. 6], а впервые публиковались в транскрипции с османского на современное турецкое письмо в 1991–1994 гг. [Ibid., p. 6–7]). В ноябре 1922 г. Стамбул был занят войсками Ангорского (Анкарского) правительства, т. е. кемалистами [Ibid., p. 5], руководители которых, в т. ч. сам Кемаль-паша, были судимы и осуждены in absentia на смерть в том же Стамбуле в 1920 г. [Dadrian, Акçam 2011, p. 197; Акçam 2004, p. 203]. В республиканской Турции, получившей международное признание и удовлетворение своих националистических интересов в силу Лозаннского договора, тема армянского геноцида стала табу [Акçam 2004, p. 204], а архивные источники, имеющие отношение к процессам, незнакомы обществу и недоступны исследователям [Dadrian, Акçam 2011, p. 5–6].

И здесь, если не ошибаюсь, остается некоторый недосказанный остаток в анализе Акчама. Это вопрос о готовности согласиться на судебные процессы помимо практических политических соображений (добиться лучших условий на Парижской мирной конференции [Акçam 2004, р. 190, 194]; Акçam неоднократно упоминает эти соображения, но непонятно, было ли что-то еще – кажется, не было, – доказательством чего является изменение отношения к судебным процессам после того, как стало известным содержание Севрского договора, в августе 1920 г. ([Акçam 2004, р. 203]; ср.: [Dadrian, Акçam 2011, р. 264]); вопрос об ответственности общества (нации, государства) за действия руководства, проводимые во имя этого общества (нации, государства); вопрос о компенсациях.

Действительное либо воображаемое желание Запада наказать Россию за сталинизм в 1990-х годах сыграло роль, аналогичную желанию Антанты отдать куски Анатолии не только жертвам хотя бы двух геноцидов 1915–1918 гг. (армянского и греческого), но и самим себе как подмандатные территории (о двойном прицеле желания победителей «наказать турок» за «преступления против человечества/человечности» (см.: [Акçam 2004, р. 182–184]). Действительные либо воображаемые заслуги сталинизма в победе во Второй мировой войне встроились в постперестроечную русскую и российскую идентичности подобно тому, как заслуги младотурок, трансформировавшихся в кемалистов периода 1919–1922 гг., встроились в идентичность турок XX века и турецкой нации⁴¹. В турецком случае нашлись удобнейшие искупительные жертвы или компрометирующий товар (Талаат-паша, Энвер-паша и Джемаль-паша – младотурецкий триумvirат, практически правивший империей во время войны), в российском случае это оказались Сталин, а потом коммунистическая партия и, скорее всего, Ленин.

В масштабе, превосходящем пределы СССР, его существование привело к новому витку умирания «сирийской цивилизации» (об объеме понятия см. выше). А также к маргинализации «православной цивилизации»; в лучшем случае, это (современное) превращение православного круга культур в православную цивилизацию (если воспользоваться шпенглеровским различием «культуры» и «цивилизации»). (Западные Маниловы 1920–1930-х, сознательные и бессознательные почитатели слов Шпенглера о грядущей славянской культуре и слева и справа, должно быть, приняли православную цивилизацию за славянскую культуру.) Пограничный для СССР Черноморский регион пережил (начавшуюся до СССР усилиями разных политических субъектов региона) удивительную этническую «пурификацию» (в особенности южное побережье моря к началу 1920-х – начало конца 2500-летнего греческого присутствия в регионе, – и Крым в 1940-х⁴²).

Существование СССР способствовало обновлению (на неопределённо долгий период) мощного силового поля ненаказуемого государственного насилия, обогащенного псевдоморфозом западных правовых форм, на территории Евразии, причем крупнейшие субъекты насилия (здесь надо назвать и маоистский, и пост-маоистский Китай) объективно усиливали (и усиливают) друг друга. (Не реализация ли это оруэлловского трихотомического мира «1984», но в масштабе континентальной Евразии?) Присоединение бывшего санджака Александретты / государства Хатай в 1940 г. к Турции – прообраз, к примеру, гипотетического присоединения Южной Осетии к России. Далее, вполне реальное существование СССР способствовало сохранению веры в возможность царства социальной справедливости. Наконец, СССР – возможный прообраз пост-постколониального мира, ныне возникающего (опорная аналогия: кающийся дворянин – кающийся белый как бывший колонизатор).

⁴¹ Этнические турки составляют ядро турецкой нации, мусульмане-нетурки – ее внутреннюю периферию, немусульмане, лояльные турецкому республиканскому режиму и его ценностям, – периферию внешнюю. (О концентрическом строении турецкой нации см.: [Çagartay 2006].)

⁴² «Пурификация» Крыма затронула, конечно, отнюдь не только крымских татар. Пользуясь словом «пурификация», отсылаю к [Weiner 2001, р. 30–37].

Если пойти на эффектную, пусть и упрощающую концовку, то я сказал бы, что величайшим несчастьем XX века был не развал СССР, а развал Российской империи. Эта оценка обусловлена моим «локусом энунсиации» (понятие Вальтера Миньоло), а точнее, местосознанием: османо-советской (так!) контактной зоной и ею же продиктованной экзистенциальной и интеллектуальной стратегией поиска меньших зол.

Несмотря на научный аппарат, настоящий текст является не статьей, а ответом на вопросы анкеты; здесь изложена не экспертная оценка, а позиция «хорошо информированного гражданина», подчас ищущая опоры для своих догадок и пристрастий в работах собственно экспертов. Если преобразовать эти ответы в статью, ее основным положением было бы следующее: опыт СССР полезно рассматривать в сравнении и сопоставлении с опытом Османской / республиканской Турции 1908-го – 1980-х гг.

Список литературы

1. История России. XX век : в 2 т. – Т. 1 : 1894–1939 / отв. ред. А. Б. Зубов. – М. : Астрель, 2010. – 1024 с.
2. Модебадзе И., Мегрелишвили Т. Последние «из могикан», или *Кризис грузинской русистики* // Toronto Slavic Quarterly. – 2015. – No. 53 (Summer). – P. 113–134.
3. Нольте Э. Европейская гражданская война (1917–1945). Национал-социализм и большевизм / пер. с нем. А. Антоновского и др. – М. : Логос, 2003. – 528 с.
4. Akçam T. From Empire to Republic: Turkish Nationalism and the Armenian Genocide. – London : New York : Zed Books, 2004. – 288 p.
5. Anderson B. Imagined Communities: Reflections on the Origin and Spread of Nationalism. – Revised edition. – London : New York : Verso, 2006. – 258 p.
6. Arnason J. P. The Soviet Model as a Mode of Globalization // Thesis Eleven. – 1995. – Vol. 41, no. 1. – P. 36–53. – DOI 10.1177/072551369504100104.
7. Braude B. Introduction // Christians and Jews in the Ottoman Empire : The Abridged Edition, with a new introduction / Ed. by B. Braude. – Boulder (CO) : Lynne Rienner Publishers, 2014. – P. 1–49.
8. Cagaptay S. Islam, Secularism and Nationalism in Modern Turkey: Who is a Turk? – Abingdon : New York : Routledge, 2006. – 284 p.
9. Clark K. Moscow, the Fourth Rome: Stalinism, Cosmopolitanism and the Evolution of Soviet Culture, 1931-1941. – Cambridge (Mass.) : London : Harvard University Press, 2011. – 432 p.
10. Dadrian V. N., Akçam T. Judgment at Istanbul: The Armenian Genocide Trials. – New York : Oxford : Berghahn Books, 2011. – 378 p.
11. Dobrenko E. Late Stalinism: The Aesthetics of Politics / trans. by J. M. Savage. – New Haven : Yale University Press, 2020. – 586 p.
12. Donabed S., Mako S. Ethno-cultural and Religious Identity of Syrian Orthodox Christians // Chronos. – 2009. – Vol. 19. – P. 69–111.
13. Erdman M. Before Phoenicia: A Reading of National Characteristics in ‘Kitāb al-Manāhiḡ fī’l Naḡwu wa’l Ma’ānī ‘and as-Suriyān’ // Heteroeuropeanisations: (In)capacity to Stay Marginal / ed. by Y. Lyutskanov, B. Kalnačs, G. Shurgaia. – Napoli : Unior Press, 2021. – P. 181–212.
14. Finney P. Vasily Grossman and the Myths of the Great Patriotic War // Journal of European Studies. – 2013. – Vol. 43, no. 4. – P. 312–328. – DOI 10.1177/0047244113501747.
15. Hanioglu M. S. A Brief History of the Late Ottoman Empire. – Princeton (NJ) : Oxford : Princeton University Press, 2008. – 250 p.
16. Hasratian M. The Kurds in the USSR and in the CIS (A Brief Account) // Iran and the Caucasus. – 1998. – Vol. 2, iss. 1. – P. 39–47.
17. Haynes M. Soviet history, Red Globalization and the Political Economy of Global Capitalism // Journal of Contemporary Central and Eastern Europe. – 2017. – Vol. 25, no. 1. – P. 135–148. – DOI 10.1080/0965156X.2017.1339982.
18. Hill A. Recent Literature on the Great Patriotic War of the Soviet Union 1941-1945 // Contemporary European History. – 2000. – Vol. 9, no. 1. – P. 169–179. – DOI 10.1017/S0960777300001089.

19. Hirsch F. Empire of Nations: Ethnographic Knowledge and the Making of the Soviet Union. – Ithaca (NY) : London : Cornell University Press, 2005. – 388 p.
20. Kaufmann E., Goujon A., Skirbekk V. The End of Secularization in Europe: A Socio-Demographic Perspective // *Sociology of Religion*. – 2012. – Vol. 73, no. 1. – P. 69–91.
21. Khapaeva D. Triumphant Memory of the Perpetrators: Putin’s Politics of Re-Stalinization // *Communist and Post-Communist Studies*. – Vol. 49, no. 1. – P. 61–73. – DOI 10.1016/j.postcomstud.2015.12.007.
22. Let Them not Return: Sayfo – The Genocide against the Assyrian, Syriac and Chaldean Christians in the Ottoman Empire / ed. by D. Gaunt, N. Atto, S. O. Barthoma. – New York : Oxford : Berghahn, 2017. – 276 p.
23. Lewis M. W., Wigen K. E. The Myth of Continents: A Critique of Metageography. – Berkeley : Los Angeles : London : University of California Press, 1997. – 362 p.
24. MacClarnand E. The Politics of History and Historical Revisionism: De-Stalinization and the Search for Identity in Gorbachev’s Russia // *The History Teacher*. – 1998. – Vol. 31, no. 2. – P. 153–179.
25. Marples D. R. Introduction: Historical Memory and the Great Patriotic War // *Canadian Slavonic Papers*. – 2012. – Vol. 54, no. 3-4. – P. 285–294. – DOI 10.1080/00085006.2012.11092709.
26. Martin T. The Affirmative Action Empire: Nations and Nationalism in the Soviet Union, 1923-1939. – Ithaca (NY) : London : Cornell University Press, 2001. – 510 p.
27. Mommen A. Russia’s Response to Globalization // *International Journal of Political Economy*. – 2001. – Vol. 31, no. 4. – P. 53–78. – DOI 10.1080/08911916.2001.11042867.
28. Özkirimli U. Theories of Nationalism: A Critical Introduction. – 3rd ed. – London : Palgrave, 2017. – 284 p.
29. Smith J. The Bolsheviks and the National Question, 1917-23. – Basingstoke : London : Macmillan Press ; New York : St. Martin’s Press, 1999. – 300 p.
30. The Assyrian Genocide: Cultural and Political Legacies / ed. by H. Travis. – Abingdon : New York : Routledge, 2018. – 342 p.
31. The Dilemmas of Destalinisation. A Social and Cultural History of Reform in the Khrushchev Era / ed. by P. Jones. – Abingdon : New York : Routledge, 2006. – 298 p.
32. Toynbee A. A Study of History : in 6 vols. – Vol. 1. – 2nd ed., 4th impression. – Oxford : Oxford University Press, 1948. – 506 p.
33. Transcaucasia, Nationalism, and Social Change : Essays in the History of Armenia, Azerbaijan, and Georgia. – Revised edition / ed. by R. G. Suny. – Ann Arbor : University of Michigan Press, 1996. – 560 p.
34. Tumarkin N. The Living & the Dead: The Rise and Fall of the Cult of World War II in Russia. – New York : Basic Books, 1994. – 264 p.
35. Weiner A. Making Sense of War: the Second World War and the Fate of the Bolshevik Revolution. – Princeton (N.J.) : Woodstock (Eng.) : Princeton University Press, 2001. – 434 p.
36. Zürcher E. J. The Young Turk Legacy and Nation Building: From the Ottoman Empire to Atatürk’s Turkey. – London : I. B. Tauris, 2010. – 366 p.

Информация об авторе

Йордан Люцканов, доктор филологии (русская литература), доцент, Институт литературы Болгарской АН (София, Республика Болгария).

Information about the author

Yordan Lyutskanov, PhD, Assoc. Prof., Institute for Literature, Bulgarian Academy of Sciences (Sofia, Bulgaria).

Статья поступила в редакцию | The article was submitted 27.01.2023.

Одобрена после рецензирования | Approved after reviewing 13.02.2023.